

Вестник

Томского государственного

университета

№ 346

Май

2011

- ФИЛОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- БИОЛОГИЯ
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2+304.4

*В.Е. Буденкова, Т.А. Зайцева, Е.Н. Савельева*КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР:
ОПЫТ АНАЛИЗА И РАЗВИТИЯ

Рассматриваются проблемы развития коммуникативного потенциала культуры, анализируются факторы, способствующие толерантности и повышению эффективности межкультурных коммуникаций в условиях глобализации. С позиций взаимодействия устойчивости и трансформативности выявляются особенности коммуникативных процессов в локальных и региональных культурах. На примере анализа специфики кинопроизведений, обладающих отличительными чертами региональных киношкол, характеризуется коммуникативный потенциал сибирского региона, выявляются механизмы сохранения национальной и культурной идентичности в условиях динамично меняющегося мира.

Ключевые слова: межкультурный диалог; коммуникативный потенциал культуры; региональная культура; художественная модель; кинематографический образ.

Сегодняшний мир, современная социокультурная реальность характеризуются противоречивыми процессами и тенденциями. С одной стороны, усиливаются глобализационные процессы, повышается взаимная зависимость и взаимное влияние государств, стран, регионов (недавние революции в Тунисе, Египте, Ливии, развивающиеся по принципу «цепной реакции»); с другой – локализация, обособление, стремление к самосохранению любой ценой. В этих условиях особую актуальность приобретает способность культуры (национальной, региональной) адаптироваться к быстро меняющимся условиям, готовность к диалогу, умение выстраивать отношения на принципах уважения, открытости, толерантности.

Однако недавние заявления лидеров крупнейших европейских государств А. Меркель, Д. Кэмерона, Н. Саркози о «провале политики мультикультурализма» демонстрируют неготовность представителей разных этнокультурных общностей к продуктивному диалогу как на государственном-политическом, так и общественно-бытовом уровне, неэффективность мер по поддержанию национально-культурной идентичности в инокультурной среде, отсутствие концепции межкультурного диалога и действенных механизмов взаимодействия этносов и культур в условиях глобализирующегося мира.

История культуры показывает, что интенсивность коммуникативных процессов в разных культурах разная. Есть культуры «открытые», в которых внутренние и внешние коммуникации хорошо развиты и находятся в состоянии гармоничного равновесия. Они активно взаимодействуют с другими культурными формами и типами, «не боятся» инокультурного влияния. Для таких культур постоянный обмен информацией – необходимое условие существования и развития. В современном мире большинство культур объективно тяготеет именно к открытому типу. Но есть культуры «закрытые», где доминируют внутренние коммуникации. Как правило, эти культуры замкнуты, а коммуникативные процессы в них достаточно четко регламентированы. Примером может служить любая традиционная культура или субкультура, организованная по типу традиционной. На региональном уровне характер коммуникаций определяется спецификой самого региона и типом доминирующих в нем локальных культур, степень готовности которых к диалогу может быть различна. Это обстоятельство следует

учитывать при разработке стратегий межкультурного диалога для повышения эффективности коммуникаций.

В данной статье мы постараемся ответить на вопрос, существуют ли в современной культуре механизмы, позволяющие одновременно развивать межкультурный диалог и расширять коммуникативное пространство и сохранять культурную уникальность регионов и этносов. Выявление и описание таких механизмов актуально не только с точки зрения развития теории коммуникаций, но имеет большое практическое значение.

Поскольку наше исследование строится преимущественно на материале региональных и локальных культур, следует эксплицировать эти понятия. Итак, что собой представляет локальная культура?

Локальная культура может быть рассмотрена с точки зрения проявления конкретного культурного опыта, что подразумевает изучение функциональных, структурных, психологических и прочих особенностей, сложившихся в ходе уникального исторического развития отдельных регионов [1]. Это определяет специфику локальной культуры, проясняет ее позицию по отношению к внешнему миру, выявляет готовность и способность к диалогу. Очень важным в данном случае становится процесс самоопределения культуры: как она позиционирует себя по отношению к внешнему окружению, как понимает себя в историческом процессе. Указанные факторы влияют и на формирование представления культуры о самой себе (самопрезентация), и на внешнее ее восприятие. Эти сведения о культуре очень важны, так как позволяют выяснить, что, прежде всего, она стремится продемонстрировать: свою самобытность и уникальность, свою сопричастность и неотделимость от общего социокультурного пространства региона, что ни в коей мере не лишает культуру идентичности и специфики. Такой подход, в свою очередь, акцентирует внимание на особенностях формирования коммуникативного пространства региона, под которым понимается характер связей между самыми разнообразными социокультурными общностями.

На формирование внутреннего и внешнего представлений о культуре особое влияние оказывают объективные процессы действительности, например процесс глобализации, который вызывает существенные

изменения в мире, что приводит к смене акцентов и ориентиров в межкультурных коммуникациях.

Глобализация вызывает самые противоречивые реакции. С одной стороны, она усиливает тенденции к интеграции, в основе которой может лежать совокупность различных интересов (политические, экономические, социальные, этнические и пр.). Однако интеграция способствует нивелированию социокультурных общностей, что в итоге может привести к противоположным стремлениям, а именно к демонстрации отдельными культурами своей уникальности на уровне традиций, росту самосознания отдельных культур.

Интенсификация данных процессов зависит от заложенного в культурах коммуникативного потенциала, специфики условий их существования. Отмеченные факторы не статичны, они меняются, вызывая, тем самым, внутренние трансформации социокультурных образований, в том числе и локальных культур (подразумеваются как внутренние характеристики, так и внешние условия существования природного и социокультурного характера, процессы, непосредственно затрагивающие территорию отдельных регионов).

Подобная постановка вопроса заставляет обратиться к выявлению специфики локальных культур как понятия и как феномена, отражающего характерные черты отдельного региона. В терминологическом контексте эта специфика проявляется в четкой дифференциации данного типа культуры от традиционных, региональных, этнических культур, субкультур. На феноменологическом уровне специфика локальных культур определяется процессами и явлениями, которые могут носить как универсальный характер (присутствуют во многих регионах), так и специфический (преобладают в отдельных регионах). Это характеризует ее как общее явление и в то же время определяет ее внутренние характеристики (имеется в виду ареал ее существования, процессы, которые проходят в данном регионе и способствуют выделению в нем локальных культур).

Понятийный аспект определения специфики локальных культур основывается на выделении характерных черт, способствующих их четкой дифференциации от этнических, региональных, традиционных культур. От этнической культуры локальная отличается тем, что сообщает ей местные особенности. Причем эти особенности понимаются целостно (интегративно), так как они не исчерпываются только географическими характеристиками, а включают в себя экономические, политические и социокультурные особенности места обитания.

Региональная культура подчеркивает наличие неких специфических черт в данном географическом регионе. Эти черты включают в себя историю освоения, экономические и политические качества. При этом понятие «региональная культура» может «вбирать» в себя самые разнообразные культурные образования, в том числе и локальные. Она сообщает им дополнительные особенности и уникальные черты, которые дифференцируют культуры одного региона от другого (например, традиционные культуры Северной Америки и Сибири).

Относительно соотношения понятий традиционной культуры и локальной культуры можно сказать, что власть традиций (как одна из основных характеристик традиционных культур) дополняется местными осо-

бенностями функционирования традиций. О коммуникативном потенциале локальных культур в каждом отдельном регионе можно судить по степени значимости этих традиций, их устойчивости и способности отвечать меняющимся реалиям окружающего мира. Таким образом, локальная культура может иметь признаки этнической, региональной, традиционной культур, но при этом существенно отличаться от них. Здесь важно, черты какого типа культуры преобладают в ней (этнической, традиционной, индустриальной и пр.), что определяет особенности процесса формирования локальных культур и, соответственно, специфику взаимоотношений с другими социокультурными группами.

Феноменологический аспект определения специфики локальных культур основывается на выявлении связи этих культур (порядка их формирования) с объективными процессами действительности, субъективными факторами (внутренние процессы и устремления), а также помогает проследить формирование локальных культур в исторической динамике.

В разных регионах определяющими факторами развития локальных культур могут выступать различные процессы. Но доминируют, как правило, этнические, политические, экономические. Данные процессы объективной реальности активизируют трансформацию культурного опыта, способствуют созданию новых культурных образований, интенсифицируют внутренние изменения в социокультурных общностях. Этнические процессы включают ассимиляцию, интеграцию, аккультурацию, автономизацию, деэтнизацию; политические – подразумевают дифференциацию групп по политическим основаниям; экономические – отражают интересы в производственной сфере, перераспределение материальных ценностей, в том числе ресурсов, модернизацию, урбанизацию. Важны и частные процессы, протекающие в социокультурной, политической, экономической сферах. Это связано с появлением неких культурных общностей, формируемых не только по национальному признаку, но и по иным интересам (социальным, культурным и пр.).

К процессам, отражающим внутренние трансформации локальных культур, можно отнести адаптацию и инкультурацию. Адаптация способствует приспособлению к новым, меняющимся социокультурным, политическим, экономическим условиям существования. Эти изменения (чаще всего внешние) отражаются на внутренних характеристиках. В случае если культура положительно принимает внешние изменения, происходит усвоение новых норм, включение в новую действительность. Однако это не всегда означает разрыв с прежними традициями. Адекватная реакция на внешние изменения сопровождается сохранением целостности культуры и самого социума в контексте преемственности с прошлым культурным опытом. При нежелании принимать внешние изменения (отрицательной реакции) проследить себя, намеренное неприятие новых условий, что приводит к потере контакта с внешним миром, консервации социокультурной общности.

Отмеченные внутренние процессы, способствующие дифференциации локальных культур, могут быть дополнены принципом комплементарности и стереоти-

пизации, которые влияют на степень эффективности контактов локальных культур с внешним окружением. Комплементарность и стереотипизация основываются на потребности человека в самоидентификации, на необходимости отождествления индивида (или группы индивидов) с определенной общностью. Осмысленность существованию в этом случае придает приобщение к ценностям, традициям и культурному опыту данной среды. В свою очередь, стереотипы и комплементарность, формирующие представления о себе и окружении, определяют направление контактов, способствуют выбору партнеров.

Таким образом, специфика локальных культур основывается на принадлежности к определенному типу культур (этнической, традиционной), региональной принадлежности (конкретные географические, экономические, политические и культурные условия существования), времени формирования (исторический фактор), условиях и причинах выделения. Кроме того, важнейшими в формировании и трансформации локальных культур становятся процессы, затрагивающие не только отдельные регионы, но и всю ойкумену в целом.

На специфику локальных культур существенное влияние оказывают традиция и новация. В том или ином случае определяются направления коммуникаций, исторически сложившиеся или подразумевающие поиск новых партнеров, задаются ориентиры локальных культур во внешнем мире сообразно их внутренней специфике.

Внутренняя специфика локальных культур определяется традициями как институтом, направленным на сохранение устоявшихся норм жизни, определенной последовательности действий, что поддерживает постоянство культуры, делает ее существование осмысленным в контексте связи с предшествующим культурным опытом. Однако традиция может быть рассмотрена и в динамическом плане, т.е. как ответ на вызов среды. В данном контексте она предстает в качестве одного из механизмов, способствующих развитию социокультурных систем. В этом статусе традиция направлена на реализацию двух основных функций. С одной стороны, это сохранение самобытности культуры; с другой – функция «вбирания» и формирования инноваций, раскрытия заложенного в них потенциала. Таким образом, традиция, понимаемая в динамическом плане, определяет интенсивность коммуникаций локальных культур и других социокультурных общностей отдельных регионов. В то же время традиция придает специфику коммуникативным процессам, так как подчеркивает самобытность локальных культур, что влияет на выбор партнеров, заставляет сблизиться с одними социокультурными образованиями и дистанцироваться от других.

Однако, несмотря на то, что традиция определяет коммуникативные приоритеты, она не может восприниматься лишь как феномен, способствующий консервации связей и мешающий расширению контактов. Конечно, исторически сложившиеся приоритеты, подкрепленные традицией, определяют магистральные направления в общении локальных культур с внешним миром. Но традиция не может пониматься исключительно как связь с прошлым, она неразрывно связана и с новациями, и с инновациями. Именно этот аспект в

понимании традиции становится актуальным в условиях современного меняющегося мира, предлагающего разнообразие реалий, выбор которых определяет внутреннее содержание культуры и ее позицию по отношению к внешнему окружению.

Традиция, понимаемая в контексте коммуникации, неразрывно связана с новациями, так как речь идет не только о сохранении целостности культуры, но и о ее трансформациях в ходе обмена информационными потоками, становящимися основой для инноваций и, затем, новых традиций. В данном случае традиция выполняет коммуникативную роль, реализующуюся в формировании внешних и внутренних связей. Внешние связи – это готовность к контакту с другими культурами. Контакты могут быть установлены по принципу комплементарности, толерантности к проявлению инокультурных традиций вплоть до их принятия. Внутренние связи подразумевают передачу индивидуально или коллективного опыта между поколениями.

Таким образом, традиция, интерпретируемая как процесс и как один из механизмов, способствующих развитию социокультурных систем, может рассматриваться в качестве фактора, активизирующего самоидентификацию культур, основанную на сохранении их уникальности, а также стимулирующего процессы вбирания новаций, что становится одной из причин развития коммуникаций в рамках отдельных регионов.

В региональной системе коммуникативных связей важное место принадлежит локальным культурам, отражающим региональную специфику, заключающуюся в этнических, культурных, экономических и политических особенностях и определяющих их коммуникативный потенциал.

Коммуникативный потенциал культуры – это ее способность вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную идентичность. Коммуникативный потенциал любой культуры характеризуется наличием и соотношением двух необходимых качеств – устойчивости (стабильности) и изменчивости (трансформативности). Коммуникативная устойчивость означает, что культура, обладая высоким коммуникативным потенциалом, в диалоге с другими культурами сохраняет свое ядро (базовые ценности, смыслы, традиции). Коммуникативная изменчивость демонстрирует способность культуры к адаптации и развитию в постоянно меняющихся условиях. Чем более гибкой, «отзывчивой» и динамичной оказывается культура, тем выше ее коммуникативный потенциал. Таким образом, коммуникативный потенциал культуры зависит от степени выраженности обоих названных качеств.

Следует отметить, что в данном случае речь идет об идеальной модели культуры. В реальности чаще бывает так, что в отношении конкретных культур (национальных, локальных, региональных) можно говорить о преобладании какого-то одного качества или тенденции: стремления к стабильности, которое достигается ограничением коммуникаций и коммуникативного пространства, или трансформативности, таящей угрозу утраты культурой собственной идентичности. Ограничение (лимитирование) диалога и стремление к установлению контроля над коммуникативными процессами

ми характерны для культур закрытого типа и тех субкультур, которые обладают собственной идеологией или нацелены на выполнение определенной «миссии». Как правило, в подобных культурах (субкультурах), строящихся по иерархическому принципу, где место, роль или функция человека четко обозначены и определены, важен ритуал и ритуальное поведение. Специфика коммуникативных процессов в таких структурах обусловлена задачами самосохранения в «неблагоприятных» условиях, к которым можно отнести отсутствие признания со стороны социума и других культур (разного рода маргиналы), пребывание в инокультурной среде, порождающей автономизацию. Кроме того, система базовых ценностей и смыслов у таких культурных форм отличается от общепринятой или доминирующей в культуре, частью которой они являются. Сохранение ядра и жизнеспособность всей культурной системы обеспечиваются здесь не благодаря сформировавшейся традиции, а за счет специальных действий, направленных на поддержание устойчивости, хотя со временем эти действия могут принять вид традиции. Отсутствие ограничений в коммуникациях и обмене информацией может привести к разрушению (деформации ядра) и ассимиляции локальной культуры. Следование ритуалу и регуляция поведения позволяют поддерживать ядро культуры, постоянно актуализируя основные ценности.

«Обратной стороной» ограничения коммуникаций выступает коммуникативная агрессия, проявляющаяся в стремлении одного из участников навязать партнеру свою стратегию диалога и управлять процессом по собственному сценарию. В данном случае конечная цель коммуникации не имеет значения: это может быть как трансляция собственных ценностей и смыслов (культурная экспансия), так и их заимствование из арсенала других культур. Агрессивные стратегии поведения характерны для молодых культур и культур с неустойчивым ядром, которые сформировались в результате эклектичного взаимодействия разных традиций. В таких культурах агрессия играет роль защитного механизма.

Культуры с недостаточно устойчивыми основаниями или переживающие смену парадигм отличаются повышенной коммуникативной изменчивостью. Под влиянием других культур они не только расширяют коммуникативное пространство, но зачастую теряют свое «лицо», подчиняясь разнообразным внешним влияниям. Стремясь избежать маргинализации, такие культуры вынуждены «подстраиваться» под более сильных и опытных в коммуникативном отношении партнеров. Особую актуальность проблема коммуникативной изменчивости приобретает в связи с процессами глобализации и переходом к информационному обществу. Умение ориентироваться в информационных потоках и выбирать адекватные стратегии поведения способствует не только повышению эффективности межкультурного диалога, но и самосохранению культуры.

Таким образом, коммуникативный потенциал определяет место той или иной культуры в современном мире. Высоким коммуникативным потенциалом, а следовательно, и большим влиянием и возможностями развития обладают те культуры, базовые ценности и смыслы которых позволяют осуществлять коммуникацию и расширять коммуникативное пространство без

ущерба для нее самой и других участников диалога. Изучение коммуникативного потенциала культуры позволяет прогнозировать результаты общения, разрабатывать сценарии продуктивного диалога и модели коммуникаций, основанные на принципах взаимного уважения. Оценивая коммуникативный потенциал, мы получаем возможность позиционировать себя в коммуникативном пространстве и лучше понимать не только другие культуры, но и свою собственную. С точки зрения коммуникативного потенциала можно рассматривать культурно-исторические эпохи и национальные культуры, страны и регионы.

Однако никакая культура не существует в отрыве от социума и социальных процессов, оказывающих влияние на ее коммуникативный потенциал. Существует множество факторов, способствующих повышению либо снижению коммуникативного потенциала. Выявление и анализ этих факторов – необходимое условие управления коммуникациями. В числе факторов, влияющих на коммуникативный потенциал, можно выделить внешние и внутренние. Внешние характеризуют процессы, происходящие в современном мире, и отражают общее состояние нашей цивилизации. К внешним – общецивилизационным – факторам относятся глобализация, рост потребления, развитие технологий и информатизация, динамизация культурных процессов и т.д. К внутренним факторам, специфицирующим данную культуру или регион, можно отнести политико-экономические, социальные, религиозно-этнические, идеологические условия. Немаловажное значение приобретают также история освоения региона, этнический и социальный состав, характер контактов между различными категориями населения, отношение к данному региону прошлого и местного населения, отношение со стороны местных и центральных органов власти. Поскольку характер и особенности коммуникативных процессов зависят в первую очередь от индивидуальных особенностей культуры, обратимся к анализу внутренних факторов.

Политико-экономические факторы. В эту группу входят такие критерии, как уровень и тенденции развития экономики, степень демократизации и открытости общества, политическая и экономическая стабильность. Продуктивность диалога зависит от умения сторон находить точки совпадения интересов и готовности идти на компромиссы. Такая коммуникативная стратегия возможна в случае гармоничного сочетания устойчивости и изменчивости в культуре и социуме.

В целом можно утверждать, что стабильное развитие, устойчивые демократические традиции и динамично развивающаяся экономика способствуют повышению коммуникативного потенциала. Экономический рост приводит к увеличению контактов не только в экономике, но и в других сферах, что в свою очередь открывает перед субъектом (страной, народом, регионом) новые коммуникативные возможности.

В этом отношении показателен опыт Томской области, где властью инициированы проекты, имеющие важное экономическое и социально-культурное значение [2]. Подготовка и реализация так называемых «золотых» проектов привели к существенному расширению коммуникативного пространства региона. Среди

этих проектов – создание технико-внедренческой зоны, развитие инновационных университетов, освоение прибрежных богатств правобережья Оби, сохранение деревянной архитектуры г. Томска. Указанные проекты вызвали интерес не только в Сибирском регионе и в России. Они привлекли внимание как традиционных партнеров (Великобритания, Германия, Китай, США, Финляндия), так и заинтересовали новыми возможностями сотрудничества Тайвань, Чехию, Японию.

Социальные факторы. Эта группа включает такие показатели, как возрастной состав населения, уровень жизни, уровень образования.

Анализ коммуникативного потенциала с точки зрения демографической ситуации показывает, что наиболее активной в развитии межкультурных коммуникаций является та часть населения, которую, в зависимости от критериев и оснований выделения, называют «экономически активным населением», «средним поколением» и т.д. Безусловно, эти понятия не тождественны, однако в контексте рассматриваемой проблемы они отражают качественные характеристики определенной социальной группы. Экономически активным принято считать население в возрасте от 15 до 64 лет, по некоторым источникам – до 72 лет. Таким образом, в эту группу попадают и представители молодого и старшего поколений. Тем не менее около 90% экономически активного населения составляют люди в возрасте от 25 до 55 лет, что практически совпадает с нашим пониманием «среднего поколения» как той части населения, которая является основным носителем и транслятором культурных смыслов и ценностей.

Молодому поколению, подверженному влияниям и со склонностью к подражанию, не хватает коммуникативной устойчивости. Культурная традиция в этой демографической группе слаба по объективным причинам. Старшее поколение, наоборот, консервативно, не слишком доверяет новому, ему сложнее адаптироваться в быстро меняющейся действительности. Поэтому основным носителем коммуникативного потенциала является «среднее поколение» со сформировавшимися взглядами, нравственными ориентирами, готовое к критическому восприятию нового. Кроме того, данная часть социума, обладая знаниями и опытом, не только активно участвует в жизнедеятельности общества, но и обеспечивает социально-экономическое развитие. В Томской области экономически активное население насчитывает примерно 522 тыс. человек, что составляет около половины всего населения и соответствует показателям по стране. Можно полагать, что рост численности экономически активного населения способствует развитию коммуникативного потенциала.

Что касается образования, то здесь зависимость прослеживается достаточно ясно: чем выше уровень образования в регионе, тем выше его коммуникативный потенциал. Качественное образование предоставляет человеку более широкие возможности, формируя его профессиональные, социальные, коммуникативные компетенции; помогает быстрее адаптироваться в новых условиях, расширяет горизонт его сознания, делая более терпимым и толерантным. Низкий уровень образования – благоприятная почва для разного рода стереотипов; узость кругозора порождает безапелляционность суждений и безответственность.

Опыт современной России показывает, что доступность образования – важнейшее условие развития коммуникативного потенциала. С этой точки зрения Томская область представляет собой уникальный регион. Как отмечают официальные источники, в Томской области самая высокая в России доля работников с высшим и средним образованием от общего числа занятых: на 10 тыс. человек экономически активного населения приходится 151 исследователь. Для сравнения: в России этот показатель равен 69, в Великобритании – 55, в США – 61, в Японии – 102.

В Томске, где каждый пятый житель города студент, коммуникативный потенциал находится на высоком уровне. Взаимодействие образования и науки, основанное на принципе гармоничного сочетания традиции и новации, является наглядной формой выражения сути коммуникативного потенциала и механизмом его развития. Формируя позитивный образ области, томский научно-образовательный комплекс делает ее коммуникативно привлекательной и открывает широкие возможности и перспективы для продуктивного диалога во всех областях.

С уровнем образования напрямую связано развитие гражданских институтов и степень толерантности общества. В Томской области, одной из наиболее комфортных в этом отношении в России, действует более 1000 общественных организаций, 19 национальных объединений. На территории области проживают 18 национальностей, более 60 народностей, 16 конфессий осуществляют свою деятельность. Приведенные цифры свидетельствуют о важности *национального и конфессионального* факторов в данном регионе, что придает особый статус межкультурным связям. Специфика локальных культур Томской области заключается в доминировании этнической компоненты. Эта доминанта говорит о том, что многие локальные культуры Томской области возникли на основе этносов (коренных или депортированных народов). В результате их стремления к сохранению культурного своеобразия возникают национально-культурные общества, которые определяют своеобразие культурного пространства Томской области и ее межкультурных коммуникаций. Так как подобных национально-культурных обществ насчитывается не один десяток, встает вопрос об организационных формах их существования, о контактах между ними и местными властями. Для решения данных вопросов появляются общественные институты и организации. К таким организациям можно отнести Ассоциацию национальных общественных объединений Томской области (1997), координационный совет по делам национально-культурных объединений Томской области (1999), Фонд исторического и культурного наследия, Томское отделение всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Эти организации имеют различные приоритеты и направления деятельности, но их объединяют, прежде всего, стремление к сохранению и развитию национальных культурных традиций, связи с другими культурными образованиями, координация деятельности этих организаций и местных властей.

Однако если рассматривать религиозно-этнические факторы в мировом контексте, легко заметить, что их

влияние не всегда носит позитивный характер. Принадлежность к определенной национальной, религиозной или национально-религиозной общности формирует менталитет, традиции, «картину мира», образ жизни, на которых основывается коммуникативная устойчивость. Но слишком высокая коммуникативная устойчивость, как было показано выше, таит в себе довольно опасную тенденцию: стремление к автономизации и социально-культурному изоляционизму. А преданность своим идеалам часто оборачивается ненавистью к «иноверцам» и «инородцам». Конфликты на национальной и религиозной почве, обострившиеся в современном мире, показывают, что приверженность определенной идеологии (в том числе религиозной) и стремление сохранить идентичность могут выступать серьезным препятствием при налаживании диалога.

При этом необходимо иметь в виду, что данные факторы не существуют отдельно, а их влияние на коммуникативный потенциал конкретной культуры обусловлено взаимодействием со всеми остальными. В каких-то случаях политико-экономические, социальные и общекультурные факторы нейтрализуют негативные проявления религиозно-этнической замкнутости, в каких-то, наоборот, усиливают. Возможно и обратное влияние, когда религиозно-этническая идентичность способствует социальному и культурному развитию. Вариантов может быть столько же, сколько существует национальных культур. Поэтому при анализе коммуникативного потенциала культуры или региона нужно не только изучать каждую группу факторов в отдельности и учитывать общие тенденции, но и принимать во внимание их специфическое единство. Такой подход позволяет получить объективную картину и правильно оценить ситуацию для формирования стратегий поведения и деятельности.

В ансамбле факторов, формирующих коммуникативный потенциал любой культуры, можно выделить еще одну группу – *собственно культурные*. Эти факторы связаны с культурой как особой сферой жизнедеятельности социума. Данная группа факторов оказывает значительное влияние на развитие коммуникативного потенциала, поскольку связана с творчеством и реализацией креативной составляющей культуры. Сюда входят учреждения культуры, различные художественные организации, творческие союзы и объединения и т.д. Искусство и другие виды творческой деятельности, для которых не существует социополитических, экономических и других границ, по своей природе обладают высокой коммуникативной активностью и отзывчивостью. В силу универсальности своего языка искусство оказывается идеальным транслятором смыслов и ценностей, позволяющим актуализировать их в различных культурно-исторических контекстах. С этой точки зрения чем более развита сфера художественной деятельности в культуре региона, тем более широкие возможности открываются для диалога и сотрудничества.

Опыт Томской области показателен и в этом случае. Здесь работают 7 творческих союзов и 8 профессиональных театров, более 100 музеев и 300 библиотек, 38 детских музыкальных школ и школ искусств, около 300 центров и домов народного творчества, 2 выставочных зала, филармония. На территории Томской области поставлено на государственную охрану 996 памятников

архитектуры, истории и культуры, в том числе 56 – федерального значения. Одним из «золотых» проектов стало сохранение деревянной архитектуры Томска.

Есть в Томской области и учреждения, занимающиеся практическим возрождением национального творчества и популяризацией национальных культур. Это областной дворец народного творчества «Авангард», «Центр Сибирского фольклора г. Томска». Сохранение и развитие народных традиций – одна из задач фестиваля национальных культур «Дружба народов». Наличие подобных организаций и учреждений говорит о возможности реализации в Томской области принципа диалога культур, способствующего раскрытию коммуникативного потенциала местных культурных общностей.

Однако не только действующие институциональные формы культуры играют определяющую роль в развитии коммуникативного потенциала региона. Среди совокупности разнообразных и многофункциональных культурных факторов можно выделить различные виды СМИ и средства искусства, формирующие в общественном сознании тот образ региона, под влиянием которого складываются особые коммуникативные тенденции. Так, детальное обращение к киноискусству Сибири как сфере художественной деятельности, транслирующей смыслы и ценности сообщества данного региона, позволяет косвенно выявить потенциальные возможности межкультурного диалога.

Кинематограф Сибирского региона, частью которого является Томская область, – явление не столь широко известное и изученное. Однако анализ показывает, что складывается группа произведений, объединенных сибирской тематикой. При этом использование Сибири в качестве места действия налагает определенные идейные и художественно-образные обязательства на авторов. В результате формируется кинематографическая модель Сибирского региона. Поскольку на формирование этой модели оказывают влияние разнообразные социокультурные факторы, то особенности художественного образа Сибири, выработанного региональным самосознанием и эксплицированного в пространстве киноискусства, приобретают роль маркера коммуникативных возможностей. Исследование особенностей художественной модели Сибири подтверждает приверженность общности данного региона к консервативным традициям, сохраняющим самобытность местных локальных культур и поддерживающим внутренние культурные связи. Наряду с этим обнаруживается явное тяготение к новациям, позволяющим включиться в динамику развития общего социокультурного пространства. Обозначим наиболее принципиальные характеристики данной модели.

Во-первых, выявление основных тематических интенций документального и хроникального кинематографа периода его развития в Западной и Восточной Сибири (на территории от Омска до Иркутска) указывает на просветительско-познавательную ориентацию. В результате возникают следующие устойчивые тематические ориентиры в хронике и документальном кино 1920-х гг.: общепознавательные (в рамках которого получает развитие научно-популярное кино), политические и этнографические. Сюжетное многообразие,

охватывающее темы природы, этнографические материалы, революционные события, успехи великих строков и т.п., адаптируясь к кинематографической подаче, естественным образом превращалось в неотъемлемую часть слагаемого культурной самоидентификации.

В 1920-х гг. на студии в г. Новониколаевске активно снимается хроникальное и научно-популярное кино. При этом освоение мира уже на данном уровне киноплощадки документального факта приобретает «местечковые» признаки. Тяга к знанию сибирской провинции, воспринимающей кино как «учебник жизни», была выражена в гораздо большей степени, чем у столичного зрителя. «...Для провинции, да еще такой далекой, как сибирская, влияние это особенно сильно и действенно: здесь очень многое – от прически до выбора спутника жизни – зачастую просто списывается с экрана кино просветителя. Особенно если учесть, что Сибирь вполнину безграмотней Европейской России» [3. С. 73].

Просветительско-познавательный потенциал экрана активно используется в интересах этнографического характера. Так, А.М. Дон-Отелло, один из первых в Сибири прокатчиков, перешедших к киносъемкам, в 1909 г. пополнил репертуар своих кинотеатров видами окрестностей и достопримечательностей Байкала и Иркутска, снятыми с натуры. Отдельные фрагменты этих съемок объединятся в фильме «Путешествие по Сибири». Последующая волна таких видовых картин, как «Наводнение в Чите», «Гуляние на пароходе по реке Амур в Хабаровске», «Религиозные торжества монголов», «Работа на рыбных промыслах М.И. Штыкмана» и др. демонстрирует особый интерес к национальным, локальным культурам. Кроме деятельности фирмы «Дон-Отелло», внесшей лепту в развитие дореволюционного сибирского кинопроката, пропагандой самобытности культуры занимаются и другие первопроходцы операторского дела. Известностью пользовалась программа «Город Красноярск и его окрестности» красноярского кинодеятели В.А. Полякова. Сохранились кинодокументы о строительстве Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС. И хотя впервые кинематографические виды г. Томска заснял житель Новониколаевска Ф. Махотин, появившиеся вскоре (в 1914 г.) работы Ф.И. Пункрабека «Несколько моментов из жизни Г.Н. Потанина», «Охота на медведя томскими охотниками» демонстрируют желание томичей взять этнографические съемки под контроль.

В обязательном порядке фото- и кинооператорами фиксировались политические события (Февральская и Октябрьская революции). В государственных архивах имеются целые коллекции портретов деятелей различных партий и общественных движений, участников народнических и марксистских кружков. Среди них перечисляются, к примеру, члены обской группы РСДПР, организаторы первых марксистских кружков в Омске, Красноярске и т.д. При этом, заметим, нередко речь идет не о копировании, а о раскрытии внутреннего мира, характера личности, что достаточно красноречиво характеризует провинцию, не упускающую из внимания индивидуальное, личностное даже в тех случаях, когда это не предусматривается жанром.

Во-вторых, момент, определяющий особенности кинематографической интерпретации Сибири, – акцентуация этического аспекта. Речь идет о художествен-

ном кинематографе, интерес к которому возникает на фоне снижения значения документалистики. На этой базе существенно расширились художественно-образные возможности и тематические ориентиры. В тех случаях, когда Сибирь оказывается местом значимых событий (а не экзотическим фоном), концептуальное зерно сюжета зиждется на идее первозданности природного существования, сохраняющего этическую составляющую человеческих отношений. Сибирь оказывается топосом духовно-нравственного и естественного бытия «человека деревни», противостоящего жизни бездуховной и искусственной «человека города». Таков маркер региональной самоидентификации: безусловная апология Природы (деревни) принимается за идейную основу, фундирующую любые сюжетные структуры. Человек теряет свою духовно-нравственную сущность в случае отказа от истоков, которые увязываются с его сибирской родиной. И наоборот, приобщение к родовым корням становится условием духовного преобразования. Сравнительный анализ тематических интенций национальных киношкол показывает, что проблема потери духовности из-за отказа от родовых истоков в большей степени актуальна для региональной культуры Сибири.

Заметим, что позиционирование провинции как хранителя национальной самобытной традиции, а равно духовного потенциала, принадлежит в первую очередь литературе. Начало положено в период окончания Гражданской войны, затем отчетливо проявляется в хрущевскую «оттепель», когда сибиряки создали так называемую «деревенскую прозу». До середины XX в. литературный образ Сибири создавался поэтапно: от экзотического места освоения и приключений (исторические повествования и летописи о походе Ермака 1582 г. с Волги в Сибирь) к Сибири темной и невежественной в Петровскую секулярную эпоху; в XVIII в. определяется «Сибирь как инопространство» (К.В. Анисимов) [4]. К середине XX в. роман В. Шишкова «Угрюм-река» сохраняет этот характер позиционирования Сибири как «хронотопа гиблого места». Но принципиально иной подход, уже более прогрессивный в силу имплицитных предпочтений по отношению к региональному самосознанию, имеет место в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы». Автор, будучи последователем школы Г.Н. Потанина, проводит линию героя, духовное возрождение которого целиком увязано с его возвращением из Москвы в Сибирь. Именно эта линия осваивается киноискусством.

Круг сюжетов сибирской топологии в 1960–1970-е гг. разрабатывают такие режиссеры, как С. Герасимов, А. Михалков-Кончаловский, В. Шукшин и др. С. Герасимов (уроженец Сибири) развивает тему нравственного становления молодого человека современности в картине «У озера». Киноэпопея «Сибириада» А. Михалкова-Кончаловского охватывает жизнь нескольких поколений, судьба которых строится в зависимости от того, насколько герои сумели сохранить преданность своим местам. Особую роль в художественно-литературной поддержке топологического закрепления духовного начала за Сибирью сыграл В. Шукшин. Писателю и режиссеру удается совместить кинематографическую версию и «деревенскую» прозу, уже вскормленную новой парадигмой.

В-третьих, к характеристике кинематографической модели сибирского региона могут быть отнесены народные, фольклорные черты, связанные с истоками мифологического сознания. Особые художественные приемы актуализируют мифологические мотивы и позволяют репрезентировать предметный мир, отсылающий к обрядово-ритуальному действу. В этом случае первенство снова за литературой 1960–1980 гг. в лице Ч. Айтматова, В. Астафьева и других писателей, которые либо вводят мотивы и образы фольклора, либо создают собственные поэтические варианты по подобию фольклорного творчества. Эксперименты с новой поэтикой в литературе, наряду с процессами развития регионального самосознания, инициируют интерес к фольклорно-мифологическому наследию сибирских аборигенов. В итоге роль мифологических интерпретаций Сибири как источника иного знания, позволяющего выйти в особые образно-смысловые слои, обыгрывается в кинематографе.

Таким образом, акцентуация этического аспекта и привлечение фольклорных традиций в художественно-образной структуре подобных кинопроизведений являются выражением потребности в самоидентификации, формой приобщения к корневым ценностям, сопричастности к опыту и традициям своей общности.

Четвертой важной особенностью кинематографической версии Сибири является принцип реалистического художественного метода. Ситуация эпохи «оттепели» становится социально-политическим фактором, определившим обращение кино о Сибири 1960-х гг. именно к «прозаическому» языку. В этот период происходит отказ от монтажно-метафорического направления, обслуживающего в 1930–1940-е гг. идеологию «лакировки действительности». Режиссеры «оттепели» обращаются к художественным приемам достоверности выражения, к подлинности предметного мира. Подобное пристрастие оказывается механизмом, формирующим специфику художественно-образной модели Сибири. В творчестве В. Шукшина, А. Михалкова-Кончаловского,

С. Герасимова и других режиссеров Сибирь является не в качестве конструкции нейтрального топоса, а предъявлена как вполне достоверное и фактурное пространство. Подобная дискурсивная убедительность позволяет авторам связать в тугой узел этнографические признаки сибирских земель и их обитателей с возложенной на данный топос миссией духовного истока. В контексте актуализации «прозаического» киноязыка формируется и такая основополагающая жанровая схема регионального кино 1960–1970 гг., как кинодрама.

Таким образом, культура Сибирского региона (в том числе Томской области) через художественно-образное посредничество киноискусства демонстрирует такие качества, как устойчивость и изменчивость процессов развития, что определяет способность вступать в отношения с иными культурами, сохраняя собственную идентичность.

Добавим, что социокультурным фактором, способствующим повышению и развитию коммуникативного потенциала, становится официальная политика поддержки государством развития многонационального, в том числе регионального, кинематографа в 1960-х гг. Складывается ситуация, инициирующая сохранение национальной самобытности в киноискусстве. Многие авторы либо обращаются к собственной национальной традиции, либо осваивают и говорят от лица какой-либо региональной культуры, в том числе Сибирской. Кризис кинематографической самобытности начинает проявляться в 1970-е гг. (определяемый киноведами как постнациональный период), когда в условиях социально унифицированного способа существования человеческой единицы снимается вопрос о специфике национальной культуры.

В заключение следует отметить, что успешное социально-экономическое и культурное развитие страны или региона зависит от уровня коммуникативного потенциала, степени его изученности и наличия механизмов практической реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Официальный Интернет-портал Администрации Томской области. URL: <http://www.tomsk.gov.ru>
3. Ватопик В.А. Синема в Сибири. Очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003.
4. Анисимов К.В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 20–30.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 марта 2011 г.